

«Я не уволю учителя, который пойдет на митинг» — директор школы №109 Евгений Ямбург

[Мария Ганиянц](#)

23.03.2021

Один из лучших учителей страны, директор общеобразовательной московской школы №109 Евгений Ямбург поговорил с «Москвич Маг» о том, что в школе не должно быть запретных тем для обсуждения, почему неправильно увольнять учителей за их личные политические взгляды, как провинциальные школы пережили пандемию, и рассказал о своей новой книге «Коронация всяя Руси», презентация которой состоится на этой неделе на книжной ярмарке non/fictio №22 в «Гостином дворе».

Чем для школ и учеников обернулось длительное обязательное дистанционное обучение?

Из плюсов — впервые в содержание образования стали массово вникать родители, поняли, насколько оно отличается от того, что было в их время. Но говорить о единых итогах нельзя, процесс дистанционного обучения в стране был очень неравномерным, главным образом из-за неравенства ресурсов.

Еще до пандемии в столице была введена Московская электронная школа, и учителей обязали пройти обучение, так что московские школы были к дистанту готовы. Например, наша школа №109 выдавала компьютеры с установленным программным обеспечением на дом, чтобы дети могли учиться не на голове друг у друга. Но даже имея такой мощный ресурс, московские учителя работали сутками, мне звонил муж молодой учительницы со словами: «Вы семью разрушаете, я не имею доступа к жене ни днем, ни ночью!»

А в некоторых регионах педагоги бегали утром по домам учеников, подсовывая под дверь задания, а вечером собирали. В одной деревне ребенок, чтобы узнать задание, залезал на вышку с телефоном и ловил связь, потом таким же образом передавал выполненную работу. Его прихватила полиция и оштрафовала родителей за нарушение. Лучше бы обеспечили школу всем необходимым.

Как это ресурсное неравенство проявляется в зарплатах? В Москве директор крупной школы может в месяц получать полмиллиона рублей и больше, при этом молодой учитель — всего 45 тысяч. А что в регионах?

Ресурсное неравенство — это и зарплаты, и техническое обеспечение — зависит от экономики региона, который платит школам. Поэтому за одну и ту же работу учитель в Брянске получит одну зарплату, в Санкт-Петербурге — другую, в Москве — третью, а переехав из Москвы в область, автоматически станет получать меньше. Это недоработка законодательства. У школьных педагогов в Москве приличная зарплата — 90–130 тыс., у столичных директоров зарплаты на порядок выше. И это нормально. Директор крупной московской школы, у которой 15 филиалов, много зданий и тысячи учеников, получает как командир полка в армии. Кстати, директор сегодня не царь и бог, в каждой школе есть управляющий совет с правом контролировать финансовую часть. Не могу ручаться за всех, но знаю школы, где часть директорской зарплаты регулярно бросается на финансирование тех проектов, где нужны наличные деньги. Например, экспедиции и походы требуют закупки таких вещей, которые при проведении тендеров будут либо плохими и негодными, либо их придется очень долго ждать. Но это уже начинает вызывать вопросы.

Вы в своей книге пишете, что жизнь директора сельской школы напоминает ад.

Жизнь школ в провинции, конечно, отличается от московских. Вот ситуация — в поселковой школе ни копейки не отпустили на ремонт, здание в плохом состоянии, дети собрали пустые бутылки по поселку, много, пьющий поселок, сдали. Директор продала ягоды со своего сада. На вырученные деньги купили краску и покрасили фасад. В конце лета приехала комиссия проверять готовность школы к новому учебному году, но ни копейки на ремонт не дали. Вот это как?

Я вижу новый тренд — под видом борьбы с коррупцией правоохранительные органы начинают прессинговать руководителей школ.

Или есть в регионе школа, где директор выращивает овощи на продажу, дети помогают, из этих денег платится детям стипендия, и их возят на экскурсии. Знаю деревенские школы, куда стремятся из города: классы маленькие, с ребенком возятся, результаты прекрасные.

Но большинство директоров в провинции боятся самостоятельности и экспериментов, так как в любой ситуации могут оказаться виноватыми. Вот в Челябинской области недавно повесился директор — прокуратура его обвинила в коррупции и поборках. Этого не было, он все деньги использовал на школу...

Я вижу новый тренд — под видом борьбы с коррупцией правоохранительные органы начинают прессинговать руководителей школ. Набирать антикоррупционную статистику надо, вот прокуратура на местах и начала использовать директоров школ, ведь с коррупцией на самом верху бороться сложно, можно либо взятку, либо пулю получить.

У московской реформы образования вроде были благие цели подтянуть отстающие школы до уровня лучших столичных спецшкол. Но в какой момент что-то пошло не так?

Всем давно было понятно, что система столичного школьного образования требовала реформирования. Решили начать укрупнение школ и присоединить к ним детские сады. Но стали это делать механически, с целью экономии ресурсов, часто получалась ерунда.

Надо понимать, что само по себе укрупнение неплохо. Взять хотя бы дополнительное образование. Ведь часто родители из-за двоек по основным предметам не пускали ребенка на любимый кружок или секцию. Такая ситуация невозможна, когда все под одной крышей и встроено в единый учебный процесс. Для многих детей с точки зрения карьеры и будущего важно именно дополнительное образование, например для актера — театр, в котором он играл в школе, или будущий инженер физику усвоит лучше при ремонте автомобиля. Но создание таких продуманных образовательных центров требует длительной и серьезной подготовки.

Я, кстати, одним из первых в стране, еще до всякой московской реформы, создал учебно-воспитательный центр, куда входили детский сад, начальная школа и дополнительное образование. И получил за это много выговоров. Но мы своих воспитателей в саду много лет готовили, а сейчас какой-нибудь директор приходит в сад и навязывает дошкольникам дублирование программы первого класса. А этого категорически нельзя делать.

К инклюзивному образованию, активно внедряемому властями, далеко не все, даже московские школы, оказались готовы. И не только с точки зрения наличия пандусов, но и психологически у многих родителей и учителей нет понимания, зачем это надо.

Уверен, что все дети, больные и здоровые, должны иметь равную возможность учиться. Кстати, по данным Союза педиатров, а не официальной статистики Министерства здравоохранения, абсолютно здоровых детей в России меньше 12%.

Мы мировой тренд на инклюзию подхватили, но, как все в России, стали внедрять через одно место. Закрыли спецшколы для детей с особенностями развития. Считаю, что это преступление. В обычные, неподготовленные школы стали отправлять детей с серьезными диагнозами. Инклюзия предполагает очень серьезную подготовительную работу учителей и создание мощнейших ресурсов, а не просто сделать в школе пандус, лифт и туалет для инвалидов. Вот есть два директора — у обоих в сентябре должны были прийти слабовидящие дети. Один собрал школьников и спросил: «Кто из вас в темной комнате может вслепую в шахматы играть, а кто в темноте читать? Никто. А вот сейчас к нам придут дети, которые все это умеют». А другой директор, дурак, сказал: «Стадиона у нас не будет, потому что все деньги пойдут на пандусы и другие приспособления для слабовидящих». Естественно, новых школьников с инвалидностью в этой школе уже заранее возненавидели. Инклюзия имеет колоссальный воспитательный эффект для здоровых детей, им их собственные проблемы на фоне действительно серьезного горя начинают казаться такой ерундой. Совместное обучение очень важно, но оно должно быть постепенно выращиваемым.

Говорят, что с 1990-х годов школа перестала заниматься воспитанием и ограничилась передачей информации, что привело к нравственному падению общества. Полная чушь!

Я всю жизнь занимаюсь инклюзивным образованием, сделал сеть школ по России «Учим-Знаем», которые работают в условиях стационаров медицинских учреждений для длительно болеющих детей, в том числе и там учатся ребята со смертельными заболеваниями. И они блестяще учатся, хотят быть как все, не ноют, что они перегружены. А мои школьники там как волонтеры работают.

Насколько свободны учителя вашей школы, которую в Москве знают не по номеру, а просто как «школу Ямбурга», выражать свою политическую позицию вне учебного процесса? Вы уволите учителя, если его арестуют на митинге в поддержку Навального к примеру?

Учитель — живой человек, он имеет право на свою точку зрения. Но он не имеет права навязывать свою точку зрения своим ученикам. Один за Навального, другой исповедует нацистские взгляды, третий еще что-то, но транслировать эти взгляды детям они не должны. Другое дело, что от детей ничего скрыть нельзя, они же не в вакууме живут. И дети должны слышать разные голоса и разные точки зрения. В прогрессивных школах сейчас существуют перевернутые уроки: например, учитель истории дает задание по определенному периоду найти в сети (где информационная свалка) документы, различные взгляды и факты, и на уроке разворачивается дискуссия. Учитель выступает в роли модератора, следит за тем, чтобы школьники учились отличать факт от фейка, понимали, что мнение и суждение не равно факту, чтобы рассматривали систему, а не отрывочные данные, и, наверное, самое главное, чтобы учились культуре дискуссии и не переходили на личности. Писатель и философ Григорий Померанц, с которым я имел честь дружить, писал, что стиль полемики важнее самой полемики.

Что до ситуации с Навальным, были, конечно, руководящие указания сверху, чтобы школьники не выходили на митинги, была запущена фейковая история, что оппозиция призывает детей на протест. Но таким навязчивым диктатом власти лишь создали рекламу оппозиции — запретный плод сладок.

Лично я считаю, что детям на митингах делать нечего, но я не уволю учителя, который на него пойдет, точнее, уже не уволил. Такой педагог в нашей школе есть.

Запретные темы в школе: вы, как историк, говорите ли с учениками про людоедство в блокадном Ленинграде или насилие и мародерство советских солдат во время ВОВ?

С детьми надо все обсуждать. Нет и не может быть закрытых тем. Когда мы разговариваем честно, то не теряем уважение и доверие детей, и тогда к нам будут прислушиваться.

Война — сложнейшее явление, в ней есть и доблесть, и героизм, и подлость, и грязь. С одной стороны, я обожаю Симонова с его «Жди меня», а с другой — стихотворение израильского врача Иона Деге, который себя поэтом-то не считал, хотя его стихи знали наизусть и переписывали тысячи советских солдат:

*Мой товарищ в смертельной агонии.
Не зови понапрасну друзей.
Дай-ка лучше согрею ладони я
Над дымящейся кровью твоей.
Ты не плачь, не стони, ты не маленький,
Ты не ранен, ты просто убит.
Дай на память сниму с тебя валенки.
Нам еще наступать предстоит.*

И это тоже правда о войне. Что же касается блокадного Ленинграда, то есть неизданные дневники блокадников, в которых вся эта жесткая правда, и про сытых детей больших начальников, которые издевались над своими одноклассниками, доходягами-блокадниками. Это тоже правда жизни. Не или — или, а и — и. Наша задача — научить ребенка выработать внутренний стержень, не стать жертвой манипуляций, которые направлены на раскол личности.

Вашу новую книгу «Коронация всея Руси», написанную во время пандемии, издательство «Бослен» презентует на ярмарке non/fictio№22, которая пройдет с 24 по 28 марта в «Гостином дворе». О чем эта книга?

«Коронация всея Руси» — далеко не первая моя опубликованная вещь, но есть ощущение, что всю жизнь я пишу одну и ту же книгу. И каждая последующая является лишь продолжением разговора о «святой науке — расслышать друг друга». Это издание, конечно, не только о коронавирусе, к чему отсылает название, оно о том, как нам, взрослым людям, живущим в запутанном пространстве, важно разобраться в своем мировоззрении, и адресовано педагогам в широком смысле этого слова, родители ведь тоже педагоги.

Приведу пример: существует устойчивый миф, что начиная с 90-х годов прошлого века школа перестала заниматься воспитанием и ограничилась передачей информации, что привело к нравственному падению российского общества. Полная чушь. Школа никогда не переставала заниматься воспитанием. Мы что, перестали водить детей в походы, или ставить театральные постановки, или организовывать конкурсы? Но из образовательного процесса ушла идеология. И это прекрасно, в Конституции РФ (даже в новом ее варианте) записано, что школа не может навязывать никакую идеологию.

Чиновники же, когда говорят, что надо заниматься воспитанием, подменяют понятия и под видом воспитания опять навязывают идеологию, а надо помогать ребенку формировать мировоззрение. Страна наша разная, в ней живут и верующие, и атеисты, и представители разных конфессий, люди, исповедующие разные убеждения. А у сторонников скреп главный воспитатель в школе — православный военрук.

Другая крайность — убеждение, что нас спасет цифровизация, поэтому долой школьные очные занятия, переводим всех на онлайн. Это как холера борется с чумой, то и другое — глупость. И от digital мы никуда не уйдем, и цифровизация не заменит живого учителя. Тренировочные задания можно делать онлайн, чтобы учителю освободить на уроке время для обсуждения смыслов и ценностей культуры, главного, что надо делать глаза в глаза.

Нужны ли среднестатистическому москвичу такие ярмарки интеллектуальной литературы?

Вот, говорят, серьезные книги никому не нужны. Не верьте. Я сам каждый раз с этой ярмарки ухожу с мешком книг и вижу огромное количество, толпы людей, вижу своих коллег, и это — бальзам на душу. Очевидно, что в обществе есть тяга к глубокой литературе. Ну а если говорить о главной компетенции учителя, то это навык самому бесконечно учиться. А без литературы это невозможно.